

*Святейший Патриарх Алексий II
в Московской духовной академии*

Московские Первосвятители и Академия

Было на Руси учение и до возникновения высшей школы. Однако в большинстве своем народ довольствовался тем, что сейчас называют элементарной грамотностью. Если кто приобрел навык чтения и письма в монастырской школе – то и хорошо: есть кому составить «грамоту» или почитать вслух жития святых долгими зимними вечерами. Основную же часть жизни русский человек в поле трудился да Богу молился, а «просвещенный» энциклопедистами европеец кичился своим многоведением, ибо богатство живой веры Запад потерял навсегда. Потому характерным для сознания западного обывателя можно считать отзыв свысока о наших предках в учебнике

XVII века по истории Европы Самуила Пуффендорфа: «Россияне в письменах столь неискусны, яко в писании и прочтении книг совершенство учения полагают. Паче же и самые священники толико суть грубы, яко токмо прочитавати едину и вторую Божественного Писания главу или толкование умеют – больше же ничтоже знают».

Действительно, до XVII века Россия не знала университетов и систематического образования, хотя желающие постигать премудрость были. С середины XVII века возникают кружки устремленных постигать «учение свободных мудростей». Начатком российской науки стало открытое с согласия Патриарха в 1632 году греком Арсением и

х., м., ЦАК МДА

Святейший Патриарх Никон (1652-1666)

х., м., ЦАК МДА

Святейший Патриарх Иоаким (1674-1690)

12

реорганизованное в 1649 году боярином Ф. М. Ртищевым Греко-латинское училище. Ему стал активно покровительствовать Патриарх Никон. Тем не менее он же положил препятствие для дальнейшего становления школы, обременив Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и других наставников трудами по исправлению богослужебных книг. Еле теплившаяся жизнь училища прервалась окончательно, когда в 1674 году киевских ученых иноков переместили в Крутицкий монастырь для работы над славянским переводом Библии.

Существенной предпосылкой к учреждению в Москве высшей школы стало, как ни странно, разбирательство по делу Патриарха Никона. Для суда над ним прибыли восточные Патриархи: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Они своими воззваниями о необходимости школьного образования как для самих русских, так и для живущих под турецким игом греков возбудили ревность москвичей, которые тогда же приняли решение открыть училище при храме святого Иоанна Богослова. Восточные Патриархи вместе с Московским Патриархом Иоасафом в грамоте 1668 года дали свое благословение «на созидание училищ и в них устроение учения по закону православно-кафолической Церкви, во славу Божию, различными диалекты: греческим, словенским и латинским».

Однако, в виду старческой немощи Патриарха Иоасафа, а также занятости царя Алексея Михайловича внешними войнами и усмирением бунтов, не нашлось деятельного покровителя и организатора нужному начинанию.

Откуда взять опыт? Царь смотрит на Запад, а Патриарх – на Восток

Дело образования воплотилось в жизнь при вступлении на царский престол сына Алексея Михайловича – царя Феодора. Русский иеромонах Тимофей, вернувшись в Москву после длительного проживания в Греции и Палестине, на представлении царю поведал об оскудении греческих наук на Востоке из-за притеснений от мусульман и латинян. Феодор Алексеевич понимал, что Россия остается единственным оплотом Православия, а хранить истинную веру возможно лишь при знании ее источников: Священного Писания, деяний Вселенских и Поместных соборов, святоотеческих творений – но они были доступны лишь на греческом языке. Царь просил Патриарха Иоакима учредить в Москве греческое училище, и тот «исполнился великия радости слышав сия, и абие приложив желание к желанию, ятся дела немедленно». В 1679 году

открыто училище при типографии во главе с ректором иеромонахом Тимофеем.

Но царя не удовлетворяла устроенная по типу греческого училища школа. Он предложил преобразовать ее в Академию с широким кругом наук, чтобы Москва по полноте курса обучения не уступала европейским странам. Патриарх не спешил давать благословение, поскольку первым претендентом в ректоры был настоятель Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев, самый ревностный «папёжник». Он был воспитанником Симеона Полоцкого, который получил образование в иезуитских университетах Польши и не знал греческого языка. Медведев и Полоцкий написали Привилегию (Устав) предполагаемой Академии, ориентируясь на систему западных католических университетов. Однако плану устройства Академии по западному образцу не суждено было осуществиться из-за смерти царя в 1682 году.

Братья Лихуды

Патриарх Иоаким не терял времени и неотступно просил у восточных Патриархов прислать ученых греков для поддержания православного направления в Московской школе. В 1685 году наконец

Благодарим Господа Бога, яко во дни святого вашего царствия благоволи быти в царствующем вашем граде еллинской школе... и сие есть Божественное дело, еже учить христианом еллинский язык, во еже разумети книги православных веры, якоже писани суть, и познавати толкование их удобно, и наипаче, дабы отдалени были от латинских, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожства.

Досифей, Патриарх Иерусалимский (письмо 1679 года)

прибыли в Москву «словеснейшие и мудрейшие иеромонахи» Иоанникий и Софроний Лихуды с рекомендациями от Патриархов Константинопольского и Иерусалимского. Устроив между ними и западным кандидатом в ректоры Яном Белободским диспут о вере, Патриарх Иоаким убедился в глубоком знании Православия учеными братьями-греками и доверил им полномочия заведовать Академией. Он за год построил учебный корпус в Заиконоспасском монастыре и всячески покровительствовал братьям. Московская академия быстро развивалась и должна была вскоре принять статус школы полным курсом наук, но Патриарх Иоаким скончался.

Новый Патриарх Адриан не смог заменить для Академии Патриарха Иоакима. Он отстранил в 1694 году от Академии Лихудов, поверив несправедливым обвинениям со стороны Иерусалимского Патриарха Досифея. Последний резко изменил доброе отношение к своим же ставленникам после того, как его племянник, вернувшись из России, пожаловался на то, что не получил ожидаемой поддержки от братьев-греков и даже не попал на прием к царю. Фактически Академия осталась предоставлена сама себе – преподавали старшие ученики... Однако уже готовилось коренное изменение ее бытия царственным любителем науки и просвещения. Молодой Петр пока не дерзал вмешиваться в сферу интересов Патриарха, хотя в беседах с ним не раз высказывал желание создать в России академию наук западного типа, реорганизовав патриаршую Академию. План царя состоял в том, чтобы «из школы во всякия потребности люди благоразумно учася происходили: в церковную службу, и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское искусство».

Реформы Петра I изменяют уклад Академии: поможет ли нам заграница?

Смена принципов образования в Московской академии началась с момента упразднения патриаршества в России. За несколько месяцев до своей смерти Патриарх Адриан по повелению царя рукоположил

х., м., ЦАК МДА

Святейший Патриарх Адриан (1690-1700)

киевского игумена Стефана (Яворского) на Рязанскую митрополию. Митрополит Стефан возглавил Церковь как Местоблюститель патриаршего престола, и Академию – как поставленный Петром протектор Московской школы. Он был лучшим из воспитанников Киевского коллегіума, довершил свое образование в Лембергской и Познанской иезуитских школах, и поэтому считал западную схоластику лучшим образцом научного знания. Со своей стороны царь видел в изучении латыни единственную возможность приобщить Россию к европейскому научному знанию. Так совпали взгляды царя с намерениями митрополита Стефана. Начало латинизации образовательной программы положил указ Петра I от 1701 года о введении в Академии преподавания латыни. Естественным итогом начавшейся реформы стало приглашение в 1704 году преподавателей из Киевской академии, которые привезли учебники на латыни и ввели в жизнь Московской академии порядки западных школ: с обязательным преподаванием всех предметов на латыни.

Академия оправдала заботы царя и труды Местоблюстителя. Призванная давать России образованное духовенство, она стала источником кадров не только для Церкви, но и для государства, порождая деятелей светской науки. Известнейшими из

них были: директор типографии Ф.И.Поликарпов, управляющий коллегией иностранных дел Н.Н.Бантыш-Каменский, профессор медицины С.Г.Забелин, литератор и посол России в европейских странах А.Д.Кантемир, географ и путешественник С.П.Крашенинников, ученый-энциклопедист М.В.Ломоносов, математик Л.Ф.Магницкий. Однако Патриаршего Местоблюстителя не устраивало, что царь забирает у Академии самых талантливых учеников. Критиковал митрополит Стефан в своих проповедях и ориентированную на протестантский мир государственную деятельность царя. Петр нашел опору в поклоннике новой европейской науки и противнике всего католического игумене Феофане (Прокоповиче), ректоре Киевской академии. В 1718 году тот поставляется на Псковскую кафедру и становится помощником царя в делах духовного управления.

Архиепископ Феофан (Прокопович) в 1720 году составил «Духовный регламент» – законодательный акт, определяющий основы церковного управления, в одном из разделов которого записаны принципы духовного образования и организации духовных школ. Для того, чтобы отсеять тех, кто только искал себе места, а не стремился к знанию, для поступающих в Академию был введен ценз по происхождению и состоятельности. Владыка Феофан, сам профессор богословия, поднял русскую духовную школу на новый научный уровень. Засилью заимствованных схоластических сумм (*summa theologiae*) он противопоставил критический подход по образцу протестантских систем, стремясь пробудить в учениках жажду истинного знания. Архиепископ Феофан замечает, что при использовании достижений «новейших иноверных учителей» православный преподаватель «должен не учиться от них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, какие они от Писания и от древних учителей доводы употребляют».

Сопоставляя историческое влияние двух систем: митрополита Стефана (Яворского) и архиепископа Феофана (Прокоповича) – известный славянофил Юрий Самарин замечает: «Первая из них заимствована у католиков, вторая – у протестантов. Первая была односторонним противодействием влиянию реформации; вторая – таким же односторонним противодействием иезуитской школе. Церковь терпит ту и другую, признавая в них эту отрицательную сторону. Но ни той, ни другой Церковь не возвела на степень своей системы, и ни той, ни другой не осудила...»

Начатки самостоятельности при митрополите Платоне: все исследуйте, лучшего держитесь

Отцами новой эпохи духовного образования стали Московские митрополиты Платон (Левшин) и Филарет (Дроздов). Для рождающегося детища – русского

Х., м., ЦАК МДА

Митрополит Московский
Платон (Левшин) (1690-1700)

богословия – Московская славяно-греко-латинская академия стала *alma mater*.

С учреждением синодальной системы в России Московская академия стала подведомственным Синоду учреждением и лишилась отеческого попечения Московских Первосвятителей. Лишь в 1775 году, вступив на Московскую кафедру, архиепископ Платон (Левшин) буквально выпросил у Синода Академию, которая и была вверена в его полное управление. Стремление к созданию самобытной богословской школы побудило владыку разорвать связи с западной традицией: с этих пор киевские преподаватели более не приглашались в Академию, митрополит Платон сам искал и готовил для нее научные кадры. Воспитанник, а впоследствии преподаватель Московской академии, он знал ее жизнь изнутри, поэтому сразу начал широкую реформу Духовной школы: постепенно вводятся преподавание на базе родного языка, начинается активная борьба с наследием схоластики, в курс вводятся новые дисциплины: обличительное богословие, экзегетика и церковная история, среди древних языков особое внимание уделяется греческому. Заботясь о всестороннем образовании студентов, митрополит Платон многих благословлял посещать лекции в Московском университете, с которым в результате установились тесные связи и было открыто «Дружеское ученое общество». Прописанный в ряде подробных инструкций уклад жизни Московской академии и новооткрытой Троицкой Вифанской семинарии был направлен на установление доверительных отношений с преподавателями и на воспитание благоговения в учащихся. Личное влияние митрополита было огромно, поскольку он постоянно общался с воспитанниками, отдавая им все свободное время. Созданная им атмосфера превратила коллектив Духовной школы в семью, которая искренне считала его своим отцом. При этом митрополит Платон не был либералом ни в вопросах науки, ни, тем более, веры. Свой взгляд на основу духовного просвещения он выражал, указывая на изображение Спасителя в окружении Отцов Церкви и повторяя: «Вот Христова Академия и Ректор ея». Вместе с питомцами Академии, которые к концу XVIII века заняли все важнейшие архиерейские кафедры, благодатный дух христианского просвещения платоновской эпохи распространился по всей России. Но в этот период успехи образования еще не установились, а держались лишь на трудах отдельных даровитых личностей, вдохновленных гением митрополита Платона.

Великий Филарет и великое преобразование Академии

Для выхода Академии на уровень систематической церковной науки необходима была коренная реформа духовного образования. Осуществил итоговую

*Митрополит Московский и Коломенский
Филарет (Дроздов) (1821-1867)*

редакцию нового устава Академии и воплотил его в жизнь Духовных школ любимый ученик митрополита Платона, святитель Московский Филарет (Дроздов). Он как ректор Петербургской академии воспитал первый ее выпуск по новой программе и лучших из выпуска определил преподавателями Московской академии. Ему было поручено в 1814 году ввести новый устав в Московской духовной академии, которая с переводом из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру вступала в период научной самостоятельности. Но не всем иерархам было по душе обновление принципов духовного образования. Сохранить Академию от реакционных нападков и попыток начальственного вмешательства помогла лишь опека поставленного в 1821 году на Московскую кафедру святителя Филарета. Его личное влияние оставалось определяющим в духовной и научной жизни Академии на протяжении всего XIX века. Главной задачей духовных школ митрополит видел воспитание «благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия». Он считал богословские науки неотъемлемой частью духовной жизни христианина – поэтому для живого восприятия Божественных истин он составил новый план богословского курса: «Обозрение богословских наук». Святитель

х., м., ЦАК МДА

*Святейший Патриарх
Тихон (Белавин) (1917-1925)*

х., м., ЦАК МДА

*Святейший Патриарх
Сергий (Страгородский) (1943-1944)*

16

Филарет, имея обширные богословские знания, своим авторитетным советом направлял творческий и научный потенциал Академии на активное участие в решении проблем церковной жизни. При нем в Академии началась систематическая деятельность по переводу и изданию творений святых Отцов. Академия взяла на себя значительную часть работы по переводу Библии на современный русский язык, активно велось составление собственных конспектов преподавателями. Особо следует отметить участие самого Московского митрополита в учебном процессе: он часто проверял сочинения студентов, присутствовал на экзаменах, следил за уровнем преподавания и направленностью академических курсов.

За 46 лет святительского служения митрополит Филарет создал нечто большее, чем устав или уклад жизни для своего детища – он сумел воспитать несколько поколений студентов и преподавателей в духе особого академического предания. Отсекая попытки вмешательства обер-прокурора Святейшего Синода в жизнь Академии, он писал, что не стоит искать ректора или инспектора не из числа выпускников Московских духовных школ.

Это – свидетельство обретения преемственности как в программе образования, так и в повседневном укладе жизни. Видимым результатом жизни Академии в русле создавшейся преемственности явился целый сонм подвижников науки, оставивших значимый след в русском богословии. Исключительным явлением в жизни Академии был протоиерей Александр Горский, воспитанник и друг святителя Филарета. Он продолжил начатую митрополитом линию духовного и научного курса, занимая пост ректора в 1862-1875 годах.

Академическая традиция и восстановление патриаршества

В конце XIX – начале XX веков волны либерализма стали накатываться на Московскую академию, размывая вековые традиции. Первым из привнесших дух времени стал молодой ректор архимандрит Антоний (Храповицкий) (1890-1895), который имел большое влияние на умы и сердца студентов. Горячей молодежи нравилось в архимандрите Антонии его вольность в отношении к авторитетам, даже столь бесспорным, как Филарет, митрополит

Московский, не говоря уже о современных ему профессорах, которых он честил порой самыми грубыми эпитетами; молодежь считала это смелой независимостью в суждениях. Впрочем, и профессора отвечали ректору неприятием, что повлияло на студенческую среду и вызвало нестроения. Московскому митрополиту Сергию (Ляпидевскому), представителю старой филаретовской школы, было больно видеть вольнодумство в среде воспитанников родной Академии. Он перевел архимандрита Антония в Казанскую академию, но был не в силах сдерживать дух времени: стремительный подъем богословской науки в Духовной школе, к сожалению, сочетался с оскудением религиозно-нравственным.

Последний год перед закрытием Московская духовная академия прожила под покровительством и отеческой заботой святителя Московского Тихона (Белавина), который вступил на первосвятительскую кафедру по выбору делегатов епархиального съезда. Тогда, в июне 1917 года, даже получивший крайне либеральное направление «Богословский вестник» писал: «Московская духовная академия, отныне автономная, свободно приветствует нового главу Церкви Московской и своего почетного Попечителя искренним и убежденным ἄξιός!»

На престольный праздник митрополит Тихон служил в академическом храме Покрова Божией Матери, присутствовал на открытом собрании Совета и годичном акте Духовной школы. Еще более укрепилась связь святителя Тихона с Академией во время его пребывания нареченным Всероссийским Патриархом в Троице-Сергиевой Лавре (ноябрь 1917): он служил в Академии заупокойную службу и почтил своим присутствием торжественное собрание в день памяти святителя Московского Филарета. Служил в Академии нареченный Патриарх и на следующий день, исполняя желание профессоров и студентов помолиться с ним перед его интронизацией.

Московская духовная академия, получившая начало и достигшая зрелости заботами и любовью московских Первосвятителей, сторицею возвращала долг любви: в переломный момент времени именно ее верные чада стали деятельными орудиями Промысла Божия в возрождении Русской Церкви и возобновлении патриаршества. Особо следует отметить, что ближайшим помощником Патриарха Тихона стал профессор и проректор Академии архимандрит Иларион (Троицкий), позже архиепископ Верейский. Именно его пламенная речь на Поместном Соборе 1917-1918 годов положила окончание спорам о восстановлении патриаршества в России, помогла осознать, что сердце России бьется в Москве, в Кремле, в Успенском соборе на патриаршем месте. Еще одним поборником патриаршества стал архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий),

бывший ректор Московской академии. А удаленный от ректорства Временным правительством епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), наместник Данилова монастыря, смог собрать в своей обители единомышленников Патриарха. Святитель Тихон часто с благодарностью называл их «даниловский синод», получая деятельную поддержку даже в самые тяжелые моменты, особенно в борьбе с обновленчеством. Жизнь Академии под покровом преподобного Сергия прекратилась в 1918 году, а многие из ее преподавателей и студентов вскоре удостоились подвига исповедничества и мученичества, защищая веру, Церковь и Патриарха.

Выпускник, возродивший Академию

Впервые после закрытия Московской духовной академии вопрос о ее воссоздании поднял Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) на встрече в Кремле с руководством страны во главе со Сталиным. Эту встречу можно с полным основанием назвать исторической, поскольку произошел перелом в отношениях с государством. Митрополит Сергей спокойно и

х., м., ЦАК МДА

Святейший Патриарх
Алексий I (Симанский) (1945-1970)

с достоинством указал на необходимость открытия храмов, выборов Патриарха, открытия духовных учебных заведений. Советский вождь, желая использовать авторитет Церкви в международной политике, предложил сразу открыть Академию и несколько семинарий, но иерархи отказались тогда от поспешных шагов из-за отсутствия преподавателей. В итоге уже после блаженной кончины Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия в июне 1944 года в Москве были открыты Духовные школы.

Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей (Симанский), сам выпускник Московской академии 1904 года, взял под свое непосредственное руководство возрождающееся духовное образование. Он не скрывал желания видеть возрожденную Духовную школу «преемницей по духу и силе Академии, которая создавалась и процветала под покровом преподобного и богоносного отца нашего Сергия». На третий год после открытия Православно-богословского института и Богословско-пастырских курсов Алексей I, уже в сане Патриарха, благословил преобразование этих учреждений в Московскую духовную академию и семинарию. Чаение Святейшего о пребывании Духовных школ в Троице-Сергиевой Лавре сбылось в октябре 1948 года, когда инспектор архимандрит Вениамин (Милов) освятил здание Царских чертогов – историческое место Академии у Троицы. Спустя несколько дней Патриарх возглавил первый годичный акт новой Академии. Он был для нее тем же, чем в свое время святитель Филарет: он так же входил в повседневные нужды Академии, подбирая по духу и личным качествам преподавателей, входил в решение учебных вопросов, внимательно следил за ходом воспитания будущих пастырей, порой изменяя прещения администрации студентам как к снисхождению, так и к более строгому взысканию. Как и святитель Филарет, обладая обширной богословской эрудицией, Патриарх просматривал темы курсовых работ и диссертаций, отменял, предлагал свои, читал сам многие кандидатские работы и рецензии на них, а также все магистерские и докторские диссертации, исправляя научные неточности, ошибки изложения, стиль. Он знал по опыту недостатки дореволюционной Академии, поэтому особо призывал преподавателей и студентов разрабатывать насущные для Церкви темы, «практически полезные и посильные», а не возрождать схоластику. Все 25 лет своего отеческого попечения о Московской духовной академии Патриарх Алексей I был тем кормчим, который весь строй жизни, обучения и богословской науки направлял по ориентирам святоотеческого учения и Предания Восточной Церкви, какие в начале XIX века определил митрополит московский Филарет. Для себя Святейший Пат-

риарх воспринял из наследия своего духовного руководителя принципы управления Церковью, а также трепетное и ревностное попечение о Московской академии. Она стала его родным и близким детищем: мало того, что он неопустительно посещал академические торжества, он часто приезжал неофициально – присутствовал на экзаменах и уроках. Даже благословлял проводить в Академии личные праздники (85-летие, 50-летие архиерейского служения) и некоторые общецерковные торжества (50-летие восстановления патриаршества). Таким образом, именно попечением Предстоятеля Русской Православной Церкви, Московская духовная академия приобрела исключительное значение и авторитет в жизни Вселенского Православия, и главную задачу этого тяжелого времени – восстановление церковной жизни страны – Святейший Патриарх осуществлял во многом с помощью воспитанников Академии.

Святейший Пимен, Академии добрый пастырь

Новый Патриарх Московский и всея Руси Пимен был хорошо знаком с Академией, ее жизнью и про-

х., м., ЦАК МДА

Святейший Патриарх
Пимен (Извекв) (1971-1990)

блемами, поскольку еще в 1954 году стал наместником Троице-Сергиевой Лавры. Уже к тому времени многие насельники обители имели за спиной годы, проведенные в Московских духовных школах. Архимандрит Пимен по благословению Патриарха Алексия I сумел в короткие сроки организовать восстановление и роспись Покровского Академического храма, освященного в 1955 году. По избрании на патриаршее служение он воспринял попечение об Академии с особой заботой, поскольку вновь крайне серьезной для Церкви стала в 70-е годы кадровая проблема из-за хрущевских гонений на Церковь, когда государство изощренными методами ограничивало число учащихся в Духовных школах, а молодые способные выпускники не допускались к преподаванию. Его Святейшество сумел изменить положение к лучшему – благодаря его деятельности существенно увеличился приток абитуриентов и начался рост числа священнослужителей. Более того, Патриарх нашел способ для восстановления научно-богословской базы. С согласия советского правительства Церковь стала очень активно участвовать в богословских контактах с инославием, расширились программы богословских собеседований с евангелическими Церквями Восточной и Западной Германии, Финляндии, епископальной Церковью Англии. Советское государство желало показать свою лояльность к Церкви и поэтому вынуждено было санкционировать межхристианские диалоги Русской Православной Церкви, участие в экуменических контактах со Всемирным Советом Церквей. Патриарх же ссылаясь на то, что для проведения богословских встреч на высшем уровне Церкви необходимо воспитывать богословов, ради чего добивался возможности увеличить число учащихся в Духовной академии и в аспирантуре, оставлял одаренных выпускников для преподавания, возобновил работу Сектора заочного обучения. Словом, усилиями Святейшего была воссоздана база для воспитания просвещенных служителей Церкви, могущих дать ответ об истинной вере и атеисту, и инославному миссионеру, и сектанту. Однако не обошлось и без потерь: советские власти пытались взять реванш, вынуждая закрывать некоторые периферийные семинарии, открытые с большим трудом. Сам Патриарх признавался, что чувствует себя как птица в золотой клетке – на виду все подчеркнуто любезно, а за спиной совершаются антицерковные деяния. Ему и многим деятельным иерархам и священникам не давали встречаться с паствой, чтобы люди не услышали живого слова проповеди, правды о положении вещей в «свободном обществе». Очень тяжело было вести любую церковно-просветительскую и духовно-образовательную деятельность. Тогда, как и всюду в стране, и в Академии у стен были уши. В это тяжелое время психологического террора Патриарх Пимен особо поддерживал Московскую ака-

демию своими частыми посещениями, присутствием на торжествах, экзаменах, классных занятиях и общей молитвой за богослужением. Сам Патриарх был самоучкой в богословской науке, но его проповеди и слова к студентам и преподавателям Московских духовных школ были исполнены мудрости и духовного опыта. Патриарх Пимен, как и Алексий I, видел главной задачей духовных школ воспитание и духовное формирование будущих пастырей Церкви, поэтому, присутствуя на лекциях, Его Святейшество обращал внимание на все аспекты жизни духовных школ и учебного процесса, раскрывал сущность пастырского служения. 80-е годы явились временем кризиса советского государства и эпохой радикальных перемен в истории России, но существенных перемен во взаимоотношениях Церкви и государства тогда еще не произошло. Первые серьезные изменения в своем негативном отношении к Церкви советские власти были вынуждены сделать в 1988 году, когда состоялся Поместный Собор, приуроченный к празднованию тысячелетия Крещения Руси. И эта благая перемена стала венцом усилий Патриарха Пимена и воспитанных его трудами деятелей Церкви, имена которых помнит Московская духовная академия в числе учивших и учившихся в ее стенах.

Новое время – новые требования

Восшествие на первосвятительский престол Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по воле Божией совпало с изменением общественно-государственного положения Русской Православной Церкви. Освободившись от тотального контроля со стороны государственных структур, Церковь столкнулась с неожиданной и сложной проблемой: как реализовать полученную внешнюю свободу? Поле деятельности открылось необозримое, и по-новому остро прозвучали слова Спасителя: *жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9, 37). Задачей дня стало открытие возможно большего числа епархиальных семинарий. Это дало возможность Московским духовным школам по благословению Святейшего Патриарха Алексия II начать реформу учебного процесса, ориентируя его наряду с воспитанием пастырей на подготовку преподавателей и церковных ученых.

Главное для нас, учащихся и учащих, что Его Святейшество не отделяет благодатную жизнь Церкви от духовного образования и всеми силами способствует плодотворному развитию реформы Духовных школ, чтобы многочисленные воспитанники потрудились на поприще нивы духовной во славу Церкви Бога Живого.